

ДЕТЕКТИВЫ О ЖЕНЩИНЕ-ЦУНАМИ

Анна Ольховская

Дрессировщик
русалок

Анна Ольховская
Дрессировщик русалок
Серия «Папарацци
идет по следу», книга 9

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=567255

Дрессировщик русалок : повесть / Анна Ольховская: Эксмо; Москва;

2011

ISBN 978-5-699-46207-0

Аннотация

Ваш муж красив, богат и популярен? Тогда вы в одной лодке с Анной Лоцининой – женой мегазвезды Алексея Майорова. И лодка эта грозитя пойти ко дну... За годы совместной жизни чувства Алексея и Анны тихо и незаметно угасли. Но если Майорова это, похоже, устраивает, то Анну уж точно нет. Как возродить былую страсть? Только небольшой встряской, например заставить волноваться. Вот Анна с дочерью Никой и уезжают инкогнито в Турцию, никому ничего не сказав. И уже находясь там, узнают: у Алексея недавно появилась любовница. Но хуже всего то, что инкогнито Анны и Ники раскрыто, и не кем-нибудь, а одним из давних врагов. Он не позволит им вернуться домой живыми...

Содержание

ПРОЛОГ	4
ЧАСТЬ 1	11
ГЛАВА 1	11
ГЛАВА 2	18
ГЛАВА 3	26
ГЛАВА 4	33
ГЛАВА 5	41
ГЛАВА 6	49
ГЛАВА 7	57
ГЛАВА 8	64
ГЛАВА 9	72
ГЛАВА 10	77
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Анна Ольховская

Дрессировщик русалок

ПРОЛОГ

Опять этот шум! Ну почему они постоянно визжат, орут и гогочут?! Почему эти существа, так похожие внешне на Великого Отца Нгеле, поведением больше напоминают стаю бестолковых обезьян? Она видела Великого Отца совсем мало, всего-то два раза за всю жизнь, а вот других Богов встречала чаще: они иногда являлись на праздники, посвященные Нгеле. И вели себя совсем иначе, не так, как эти!

Зачем, зачем она послушалась мать, зачем? И если бы только мать, она, Лхара, нарушила все законы своего племени, и Боги наказали ее. Если бы она знала, какой будет эта кара, она бы носа не высунула из родного озера, на берегах которого прожила всю жизнь!

Но ей, видите ли, скучно стало. Надоело плести из прочных стеблей водяного цветка циновки, надоело вместе с остальными женщинами племени собирать на дне озера вкусные ракушки, надоело играть в одни и те же игры, надоело...

Перестань, Лхара, не ври сама себе. Ты просто испугалась, когда на последнем празднике Боги выбрали тебя и еще двух

твоих подружек, коротышку Ткини и тихоню Мзалу. Испугалась того, что вам предстояло, и трусливо сбежала.

И нарушила главную заповедь Богов: НИКОГДА не покидать окрестности горы Тимуку.

Ослушание каралось очень строго, даже если кто-то уходил за установленный Богами предел совершенно случайно, в пылу охоты например.

Хотя случайно покинуть мир, созданный Богами, было довольно сложно. Они защитили границы этого мира невидимыми стражами, заставлявшими нарушителя корчиться от боли, стоило ему пересечь границу. Но иногда, особенно после грозы, невидимые стражи засыпали, и тогда можно было выйти. Но беглеца всегда ловили, всегда.

А потом было наказание. Лхара совсем недолго жила на этом свете, всего пятнадцать сезонов дождей прошло, поэтому ритуалов покаяния ослушника видела всего три, но и этого было много. Очень много. Потому что страшно.

И каждый раз по-новому страшно. Хотя начиналось всегда одинаково – нарушителя раздевали донага, привязывали к каменному жертвеннику, и старший жрец племени кончиком ножа рисовал на теле несчастного знак одного из Богов, монотонно завывая при этом слова Призыва.

А потом появлялся тот, кого звали. Боги никогда не ходили одни, их всегда сопровождали стражи с короткими черными палками странного вида, внутри которых прятались смертельные пчелы. Однажды мать ослушника, обезумев от

горя и ужаса, попыталась помешать Богу, и один из стражей выпустил из палки пчел. Только они не жужжали, эти пчелы, они рычали, громко и страшно. И пронзили женщину насквозь, превратив в окровавленное НИЧТО.

Тогда она, Лхара, совсем еще юная, пережившая всего-то пять сезонов дождей, впервые увидела, как живое разделяется на две части: НИЧТО и СВЕТ.

НИЧТО рухнуло на землю, заливая все вокруг кровью, а СВЕТ метался между Богом, стражами и привязанным к жертвеннику сыном, словно хотел помешать, уберечь, защитить.

Странно, но, похоже, никто, кроме Лхары, не видел этого, даже ее мама. Все с благоговейным ужасом следили за действиями Бога.

Вот один из стражей подает ему странную штуковину серебристого цвета, Бог направляет ее на нарушителя, и из штуковины вырывается тонкий алый луч.

И несчастный закричал. Лхара не смогла долго выносить этот крик, она присела на корточки и зажала руками уши. Больше всего ей сейчас хотелось нырнуть в спасительную прохладу озера, забиться в укромную расщелину на дне и посидеть там весь день, не слыша и не видя этого ужаса.

Да, Боги должны карать, это понятно, но... Мама всегда говорила, что Великий Отец и остальные Боги любят нас, и кара – вынужденная мера, от которой Боги страдают не меньше наказуемого.

Тогда почему этот Бог с алым тонким пламенем в руках явно наслаждается процессом? Почему его обычно холодное невозмутимое лицо покраснелось, ноздри возбужденно раздуваются, а кончик языка облизывает тонкие губы? Зачем кромсать несчастного на куски заживо? Он ведь не хотел никуда убегать, он гнался за Большой Змеей, хотел порадовать племя добычей, змея была очень большой, много мяса.

А недавно была гроза, и стражи, наверное, опять заснули. Ну, вышел охотник за предел, накажите его, но зачем же ТАК?!

Потом оказалось, что Боги всегда карают именно ТАК. Красный режущий луч или мутная жидкость, от которой тело покрывается жуткими язвами, а потом просто исчезает, оставляя только кости. Или маленькая прозрачная трубочка с жалом, которую вонзают в руку ослушника. И через пару мгновений начинается другой ужас...

Все то же самое Боги проделывали и с нарушителями из племени Земли и племени Воздуха, так что нельзя было думать, что Они особенно не любят племя Воды, к которому принадлежала Лхара. Боги ко всем относились одинаково.

Одинаково плохо. Так думала тогда Лхара.

Но теперь она знает – Боги всего лишь пытались уберечь своих детей от гораздо более страшной участи. Да, жестоко, да, кроваво и жутко, но зато послушные жили хорошо и спокойно.

И только ей, Лхаре, не жилось спокойно. Может, пото-

му, что она могла видеть и чувствовать то, что другим было неподвластно? СВЕТ и НИЧТО, например, а еще – цвет живых. Вокруг каждого был свой цвет: синий, желтый, красный – разные.

И только вокруг Богов был всегда один цвет – черный. Наверное, потому что они не люди – Боги.

И самый черный, самый густой, самый глубокий, который, казалось, затягивал в себя все и всех, был цвет Великого Отца Нгеле.

Лхара видела, что и Ткини с Мзалой отличаются от остальных соплеменников. Девушки старались никому не показывать этого, а может, и не осознавали, считая свои способности само собой разумеющимся.

Почему не показывать, как это делала Лхара? Потому что все, в том числе и она, знали об Избранных. Тех, кого выбирали иногда во время праздников Боги. Через пару дней после праздника Избранные исчезали.

А через какое-то время возвращались с новой жизнью внутри, потому что Избранными всегда становились юные девушки, не познавшие еще мужчину. Но возвращались не все, некоторые исчезали навсегда.

Те же, кто вернулся, были странными. Они не смеялись, разговаривали мало, а еще – никогда никому не рассказывали о том, что делали с ними Боги. В них было мало СВЕТА, совсем мало, почти одно НИЧТО. Словно оболочка для вынашивания и рождения Нового члена племени. Чаще всего

– странного и необычного, отличающегося от остальных физически.

Их очень мало выживало, этих Новых. Хиленькие были и слабенские, а в племени Воды не принято возиться с такими. Племени нужны сильные воины и крепкие женщины.

Зато те, кто выживал, постепенно становились в племени лидерами.

Но Лхара все равно не хотела стать корзиной для уродца. Может, потому, что Михар, один из молодых воинов, принес ей букет орхидей? И смотрит на Лхару так странно, так сладко... И на праздниках старается все время сесть рядом.

В общем, когда выбор Богов пал на Лхару, на следующий день она сбежала.

Может, она и не сделала бы этого, не случись накануне страшная гроза.

И Лхара рискнула. Она ушла по воде, так ей было легче передвигаться. Плыла, не останавливаясь, всю ночь и часть дня, переходя из протока в проток. Она не знала, куда плывет, она просто чувствовала направление. Где-то там жили разумные существа, и их было много.

А потом она выплыла в огромную реку, ничего подобного девушка еще не видела. И по реке плыла странная штука, в которой сидели... Боги?!

Во всяком случае, точно такие же внешне, вот только цвет вокруг них был разным.

Лхара совершенно потеряла контроль, ошалев от увиден-

ного. И запуталась в сети, очень похожей на ту, что плели из водорослей у них в племени Воды, только прочнее. Во всяком случае, разорвать ее девушка не смогла. И инстинктивно мимикрировала, втянув руки и ноги.

И вот теперь ее выставляют, как глупую рыбу, на посмешище людям. Вместе с дельфинами, касатками и тюленями, заставляя прыгать через обручи и выполнять разные фокусы. Спасибо хоть держат отдельно от остальных, она ведь самый кассовый экземпляр, «амазонская русалка»!

Да, она выучила их язык, все понимает, но никогда никому этого не покажет. Как не покажет свой настоящий облик.

Это кара, ее наказание. Быть животным на потеху публике. И никто никогда...

«Тебе плохо, да?»

Волна искреннего сочувствия и жалости накрыла Лхару с головой.

ЧАСТЬ 1

ГЛАВА 1

«Шезлонги с пляжа в номер не выносить!»

От неожиданности я совсем не гламурно хрюкнула и повернулась к Мише:

– Это как это? Хозяин отеля – поклонник программы «Аншлаг»? Шутник и балагур?

– Не думаю, – усмехнулся Миша. – Все абсолютно как раз в тему твоего репортажа. Помнишь, была когда-то советская телепередача «Их нравы»?

– Батюшки! – Я засуетилась, осматривая себя со всех сторон. – Неужто пробка выпала?

– Какая еще пробка? – слегка офонарел Мишаня.

– Пескозатычная. Чтобы из меня при ходьбе песок не сыпался и мой истинный возраст не выдавал. Представляешь, какая волна в желтой прессе поднимется – «Анна Лощинина, жена суперзвезды отечественного шоубиза Алексея Майорова, – двоюродная сестра Надежды Крупской! Девочки вместе играли в куклы!». Ужас!

– И еще какой! – тяжело вздохнул Михаил. – Как тебя только Алексей столько лет выносит?

– Никуда он меня не выносит, я сама пока передвигаюсь.

– Искренне ему сочувствую. Ты лучше делом займись, за которым сюда приехала, госпожа журналистка!

– Я могла бы, конечно, совершенно плебейски пнуть вас, Мишель, в копчик, – проворчала я, вытаскивая из висящей на плече сумки фотоаппарат, – но это было бы слишком просто. Возмездие за оскорбку будет изысканно жестоким и неожиданным.

– Это каким же?

– Если я тебе скажу, эффект неожиданности обидится и не сработает. И вообще, не мешай, отойди от плаката. А то попадешь в кадр в своей корпоративной униформе, и твои работодатели мигом заменят отельного гида.

– Я незаменим, – гордо напыжился Мишаня, но от плаката, установленного при выходе с пляжа, все-таки отошел.

А я запечатлела для потомков вялую попытку турков призвать моих соотечественников к порядку.

Материала для статьи «Наши в Турции» накопилось уже предостаточно, хотя мы с Никусовой пробыли на Анталийском побережье всего три дня. Но – «как много нам открытий чудных» подбрасывает курортная жизнь! Статья получится прелюбопытнейшая, мое возвращение в журналистику незамеченным не останется.

И если уходила я из провинциальной прессы, то возвращаюсь уже в центральную. Хотя десять лет – перерыв весьма ощутимый, как похмелье после «Северного сияния». Штормит не по-детски. Поскольку я не хотела, чтобы мои матери-

алы привлекали внимание исключительно именем жены самого Алексея Майорова, то свои статьи подписывала псевдонимом – Марина Луговская.

А десять лет назад жила-была в одном из областных центров России скромная провинциальная журналистка Анна Лощина. Неплохо в принципе жила, сотрудничала с многими местными изданиями, имела однокомнатную квартиру и не имела семьи, наслаждаясь спокойной жизнью после развода. Но вот была... Скучным казалось мое бытие, серым и унылым. Слишком спокойным, слишком размеренным и предсказуемым, криминальными расследованиями я не занималась, кропая себе потихоньку статейки «за жизнь».

И сидели мы иногда с моей лучшей подругой Татьяной – для друзей Таньский – по вечерам за бутылочкой мартини и ныли. Ску-у-учно!

Наверное, очень уж искренне ныли, с полной самоотдачей, и там, наверху, нас услышали.

И начали с меня.

Однажды я, поспорив с приятелем, светским обозревателем Илюхой Рискиным, решила доказать, что любой может писать тексты песен, было бы желание. Уж очень бредовые завывания с дурным энтузиазмом носились (да и сейчас носят) по подневольным волнам радиоэфира. Они, волны, с удовольствием притопили бы этот мусор в глубине, но сие добро, как вы знаете, не тонет.

И вот Илюха в ответ на мою очередную обличительную

речь в адрес некоторых авторов, у которых за плечами два класса церковно-приходской школы, ехидно предложил попробовать самой срифмовать хотя бы пару строк. Что, слабо?

Не то чтобы меня просто развести на слабо, но Илюха был мастером международного класса по ехидству и зубоскальству.

Я завелась, как механическая курочка, закококала и накококала неожиданно много, парой строк там не ограничилось.

Илюха прочитал, обозвал меня талантливой дурищей и занялся продвижением моего творчества в шоу-биз.

Поначалу это нельзя было назвать продвижением, скорее – втискиванием. Но надо было знать Илюху!

Почему я говорю о Рискине в прошедшем времени? Потому что торнадо событий, зародившийся от нашего спора, разметал мою прежнюю жизнь в щепки. И кое-кто из друзей и знакомых этого бедствия не пережил. В том числе и Илья...

Но тогда – тогда все начиналось просто замечательно. Мои тексты становились все более и более востребованны, и вскоре ими заинтересовался один из небожителей отечественного шоу-бизнеса Алексей Майоров (см. роман Анны Ольховской «Право бурной ночи»).

Мой Лешка. Мой муж. Отец моей дочери Ники.

В общем, с момента появления в моей жизни Лешки скучная жизнь закончилась. Вам надоели покой и рутина, девушки? Вам хочется приключений? Их есть у меня. Получите по

полной!

И мы получили. Вернее, большую часть приключений там, наверху, решено было вывалить на меня, но и Таньскому досталось. Мы с ней вместе бежали из лагеря бедуинов в египетской пустыне, потом снова едва не погибли (см. роман Анны Ольховской «Бог с синими глазами»). Но в результате все закончилось для Таньского хорошо, она вышла замуж за красавчика Хали Салима, наследника многомиллионного состояния, родила ему троих детей и благополучно обитает сейчас в Швейцарии.

А нас с Лешкой штормило и швыряло о камни еще долго. Мы не раз теряли друг друга, причем, казалось, навсегда – я тонула в цунами, Лешка погибал в прямом эфире на глазах миллионов телезрителей, – но мы остались живы. Моя встреча с маньяком-людоедом, Лешкина кома и полуовощное существование, экспериментаторы из ЦРУ – казалось бы, ну что еще?!

Сколько можно?!

«Нетушки, – хихикали наверху, – мы еще только начали! У нас для вас еще масса сюрпризов приготовлена, за счастье надо платить!»

И мы платили по полной, потому что были безумно, бесконечно счастливы. И любили друг друга все сильнее. Не знаю, может, именно испытания и не давали нашим чувствам угаснуть.

А потом у нас родилась Ника, наш ребенок-индиго. Де-

вочка, наделенная столь необычными способностями, что ею заинтересовались те, кто должен существовать только в голливудских блокбастерах и никоим образом – в реальной жизни.

Черная магия вуду. Неслабо?

И это было, пожалуй, самое страшное. Потому что разум цивилизованного человека отказывался верить в происходящее. Ведь если кого-то убили на ваших глазах, то он мертв, правильно? Не считайте мой вопрос дурацким, потому что мне пришлось противостоять никак не желавшему умирать колдуну черного вуду – бокору.

Которому нужна была моя дочь, вернее – ее сила (см. романы Анны Ольховской «Фея белой магии» и «Царство черной обезьяны»).

Но мы выстояли, хотя без помощи белой магии, магии волхвов, не обошлось.

Правда, Ника после всех этих событий потеряла, кажется, всю свою силу, словно черный бокор высосал способности девочки. Она больше не чувствует меня и отца на расстоянии, не может общаться мысленно, не может лечить, не может управлять потоками энергии, не может разговаривать с животными. Теперь Никуська – обычная, правда, очень развитая для своих семи с половиной лет девчушка. В три года она сама научилась читать и писать, прекрасно рисует и учит иностранные языки. Пока английский и французский, преподаватели поражаются ее успехам.

Мы с Лешкой, если честно, рады, что дочь потеряла способности ребенка-индиго. Ничего, кроме боли и ужаса, они ей не принесли. Первые полгода после освобождения от власти черного бокора Никуська болела. Душевно, не физически. Она не играла, не рисовала, не носилась веселым мячиком по дому, не резвилась с нашим ирландским волкодавом Маем, любимым коняшкой девочки.

Малышка старалась все время проводить со мной, не отпуская от себя ни на шаг. А еще лучше – забраться маме на руки и прижаться щекой к плечу, тихо посапывая на ухо. Так мы с ней и ходили, словно обезьянка-мама с детенышем.

Летом мы решили съездить в гости к Салимам, Таньский весной родила третьего сынишку, Кемалья.

И там Ника начала возвращаться. Старшие дети Салимов, двойняшки Денис и Лейла, всегда были лучшими друзьями нашей дочери, разница в два года большого значения не имела, наоборот, наша Никуська обычно верховодила в их банде. И поэтому Денька с Лелькой совершенно не заморачивались душевными переживаниями подружки, они теребили и тормозили девочку, тащили ее играть, хвастались хорошеньким, как рекламный пупс, братишкой. А Кемаль радостно пускал пузыри при виде Ники и тянул к ней ручки.

И именно он, Кемаль, заставил нашу дочку сначала улыбнуться, потом рассмеяться, а потом потребовать у нас с Лешкой такого же братика.

В общем, сейчас у нас все хорошо.

ГЛАВА 2

Спокойно, во всяком случае. Может, потому, что фантазия у вершителей судеб иссякла? Не знаю, да, впрочем, это и неважно. Главное – наша семья зажила наконец нормальной жизнью, не собирая вокруг себя бокоров, маньяков, психов из ЦРУ и просто человеческую гниль.

Да и пресса постепенно угомонилась и перестала следить за каждым нашим шагом. Наверное, потому, что шаги эти с точки зрения бананово-лимонных изданий были скучными и неинтересными. Ни одного, пусть даже самого дряхленького, повода для скандала! Алексей Майоров, как бы дико это не звучало для суперзвезды шоу-бизнеса, оказался верным мужем и любящим отцом, его супруга, пока муж мотался по гастролям, по светским тусовкам не шлялась, а занималась исключительно дочерью. Ника Майорова? Красивая девчушка, удивительно похожая на отца, ну и что? Все любопытствующие уже вдоволь насмотрелись на ее необычные двухцветные глаза со звездочками вокруг зрачка.

В общем, от нас постепенно отстали. Ну, не насовсем, конечно, просто папарацци надоело рыбачить на безрыбье, где даже завалыщенького рака нет.

И тем не менее популярность Лешки не ослабевала, график гастролей был расписан на год вперед, а потом его пригласили на главную роль в высокобюджетном фильме, кото-

рый собирался ставить модный режиссер.

И теперь мы нашего папу почти не видели. Любой промежуток между гастрольями был теперь полностью посвящен съемкам, казалось, Лешка должен вымотаться до доньшка, но он фонтанировал кипучей энергией. Глаза сияют, улыбка – Голливуд отдыхает, упругая походка хищника, подтянутая фигура.

И зудящий рой бабья вокруг Алексея Майорова становился все больше. Жена? Дочь? Ну и что? Вы видели ту жену? Я вас умоляю! Ничтожество провинциальное.

Даже выпущенные мною три сборника стихов, неожиданно для всех и в первую очередь для меня ставшие бестселлерами, мнения обитательниц столичного серпентария о жене Алексея Майорова не изменили.

Мне, по большому, да и по малому... фу, туалетом повеяло! В общем, по всем счетам мне было абсолютно безразлично мнение рептилий и пресмыкающихся, вот только...

Нет, Лешка по-прежнему относился ко мне с трогательной нежностью, каждый день звонил, присылал СМС-ки, писал электронные письма. Когда удавалось вырваться, заваливал нас с Никуськой подарками, проводил с нами все время, был внимателен и ласков.

Но... Крошкой в постели, камешком в ботинке, ресницей в глазу в моей жизни появилось это дурацкое «но».

Совершенно по-свински, не объявляя о своих намерениях, из нашей жизни ушла страсть. Все было, конечно, но раз-

меренно, спокойно, по-семейному, что ли. Для полноты картины оставалось только мне облачиться в трикотажную растянутую ночнушку, а Лешке – в сатиновые трусы до колена. А, чуть не забыла, еще бигуди вокруг тыквы. У меня, хотя...

И не надо мне говорить, что пламя не может бушевать постоянно, что в лучшем случае оно превращается в спокойный язычок вечного огня. И то если газ поступает бесперебойно.

Я не хочу превращаться в сестру и подругу, не хочу!!!

Ведь мы по-прежнему видимся очень редко, сейчас даже реже, чем раньше! И где одежда, разбросанная от двери к кровати (а иногда и не только к кровати), где нетерпеливые утренние поцелуи, где хриплый от страсти голос? Где?!

Нет, не в Караганде. И не в Пицунде. Этим городам и так не повезло, туда отсылают всякую... гм, мусорят, в общем.

А поскольку свободного времени у меня было больше чем достаточно – Никуська целый день проводила в специализированном центре для особо одаренных детей, домашними делами занималась наша бессменная домоправительница Катерина, – я совершенно незаметно для себя начала превращаться в звездную жену. В нолик. Из тех, что ничего собой не представляют, счастливо обитая при известном муже. Их имена никто не помнит, каждая из них – жена Пупкина. Или Тютюкина. В моем случае постепенно исчезла Анна Лощина, осталась жена Алексея Майорова.

Безделье, господа, штука коварная. Оно затягивает, заставляя незаметно мутировать. Косметолог, бассейн, фитнес-центр, легкий шопинг, болтовня по телефону с подругами – Таньским, например, или Алиной Левандовской. Потом – в машину, забрать дочь из детского центра, провозиться с ней весь вечер, и день прошел. Проплелся. Прополз.

Но когда я, переключая на канал ТНТ, вместо «Комеди Клуб» вдруг почувствовала непреодолимое желание смотреть «Дом-2», из-под многотонного слоя гламурного мусора с ревом вырвался инстинкт самосохранения и вцепился клыками в мозжечок.

Наверное, потому, что только мозжечок ввиду своей кажущейся незначительности не зарос розовой паутиной.

Я вздрогнула, автоматически (пипец!) посмотрела в лежащее рядом зеркальце и едва не заорала от ужаса.

Из серебристого кругляша на меня глупо тарацилась Блондинка! Нет, цвет волос я не меняла, меня вполне устраивает собственный ольховый оттенок. Имеется в виду образ жизни, тип мышления. Хотя какое там мышление!

Я брезгливо отбросила зеркало и перевела взгляд на экран...

Да, каюсь, воспитанной даме не к лицу пользоваться лексиконом портовых грузчиков, да еще так громко. И Ксения Собчак тут ни при чем, она всего лишь ведущая кретинской программы, которую тебя, дорогуша, никто не заставлял смотреть.

Я опасливо покосилась на свои руки. Фу-у-уф, по прежнему пять человеческих пальцев вместо трех куриных.

Все, хватит! Хватит быть ноликом, пора снова стать самостоятельной единицей. Именно самостоятельной, просить Лешку помочь мне с работой я не буду. Во-первых, тогда мне ни за что не избавиться от предвзятого отношения к «жене Майорова», а во-вторых, сама обабилась, сама и выбабливайся.

Вот.

Останавливаться и с хрустом чесать затылок перед выбором – кем быть? – мне не пришлось. Кем была, тем и буду – журналисткой. Имеется, правда, в загашнике еще и диплом инженера, но по специальности не работала уже больше десяти лет, поэтому ради безопасности нашей промышленности сдувать пыль с диплома не стоит.

Да, знаю, в столичную прессу без рекомендации попасть очень сложно, но не невозможно. Я давно заметила, что все запреты и ограничения созданы исключительно нашим разумом. Сказано – невозможно, значит, так оно и есть! Чай, не дураки такой вывод сделали.

Чай, кофе, какао – не знаю, что там пили эти «не дураки», – мне сие фиолетово. Или параллельно? В общем, по фигу.

Нет в нашей жизни ничего невозможного, есть только душевная и физическая лень. И трусость. Вот эти неопрятные бабищи и руководят основной массой людей.

А успеха в жизни добиваются только те, кто послал теток в наиболее подходящее для них место.

В общем, под псевдонимом Марина Луговская я начала рассылать свои материалы во все издания Москвы. И их стали публиковать, пусть не сразу, пусть нещадно урезая, но процесс пошел!

А потом мне позвонили из одного еженедельника. Не самого известного и раскрученного, из среднего, так сказать, эшелона, но зато вполне адекватного, без желтизны. И пригласили на собеседование.

Проблем с раскрытием псевдонима у меня не было, на всех фото в прессе Анна Лощина при полном параде и в макияже. Но, как и у большинства светловолосых, ресницы у меня тоже светлые, и стоит смыть косметику, узнать меня довольно трудно. А если дело дойдет до официального оформления контракта, я что-нибудь придумаю. Что именно? Да хотя бы паспорт сделаю на имя Марины Луговской. Да, противозаконно, но я же не от правосудия скрываться собираюсь, а от излишнего любопытства.

В редакции меня встретила дама приятной полноты, кажется, это так называется. Хотя я в полноте никогда ничего приятного не находила, она во мне, наверное, тоже, и перемирие между нами невозможно. Стоит на капушечку ослабить оборону, как эта зараза с победным гиканьем садится на бока и живот.

А вот встретившая меня дама, назвавшаяся Сусанной

Сергеевной, со своей полнотой явно дружила. И поэтому аппетитная округлось ее совсем не уродовала, а даже наоборот.

– Мариночка, – Сусанна Сергеевна подхватила меня под локоть и задала нужное направление, – наш еженедельник, как вы знаете, опубликовал несколько ваших статей...

– Ну, статьи – это слишком громко сказано, – заскромничала я. Для полноты образа можно было бы ввинтить носок туфли в пол, но сделать это на ходу довольно проблематично. – Скорее заметки, личные наблюдения, так сказать, за нашей действительностью.

– Так вот, ваши личные наблюдения оказались весьма симпатичны нашим читателям, на ваше имя пошли письма, особенно людям нравится ваш стиль.

– Ага.

Глубокомысленно, понимаю, чувствуется недюжинный интеллект, но, между прочим, вспомните господина Перельмана. Мы, гении, всегда немногословны. Да и с адекватностью у нас не очень.

Сусанна Сергеевна с сомнением всмотрелась в мое лицо, потом усмехнулась и распахнула передо мной дверь, табличку на которой я прочитать не успела:

– Проходите, располагайтесь.

Небольшой кабинет, никакого «творческого беспорядка», то есть тотальной захламленности, как было в норе моей прежней главной редакторши Людочки. Все на своих местах, все чисто и аккуратно.

– Как вы посмотрите, Мариночка, на более плотное сотрудничество с нашим изданием? – поинтересовалась Сусанна Сергеевна, усаживаясь за стол.

– С комсомольским задором, подразумевающим невиданный энтузиазм.

– Замечательно. Тогда давайте начнем вот с чего...

И я начала, причем довольно успешно, на личном счету появились кое-какие деньги. Конечно, по сравнению с доходами Алексея Майорова они стремились к минус бесконечности, но это были МОИ деньги, заработанные!

Это было зимой, сейчас – начало июня.

В мае в прессе появилась информация о том, что какой-то немец подал в суд на свою туристическую компанию за то, что та продала бедолаге путевку в Турцию в «русский» отель. А отдых пришелся на 9 мая...

В общем, шутливая песенка КВН-щиков «На катамаране немцев таранить» основана, видимо, на реальных событиях.

Поскольку негативных отзывов о поведении русских (и не только – всех братьев-славян) на зарубежных курортах становилось все больше, еженедельник заказал мне большую, желательно иллюстрированную, статью на тему «Наши в Турции».

И больше скрывать от Лешки свое возвращение в журналистику я не могла.

ГЛАВА 3

Или все же могла? Я ведь хотела «выстрелить» убойным материалом, привлечь к имени Марины Луговской внимание, чтобы о ней, о Марине, заговорили, чтобы ее имя было на слуху. И вот тогда я, вся такая загадочная...

Мобильник завозился на столе, стараясь попасть в ритм Лешкиной песни. Ну вот, даже домечтать не дал, свинский свин! Опять лебедь мечты сбит прелым валенком реальности.

О чем я не замедлила сообщить дорогому супругу.

– Значит, я – валенок? – уточнил Лешка.

– Причем прелый. И поскольку для вас, сударь, не сезон сейчас, все-таки июнь начинается, извольте отбыть в чулан. Там между обслюнявленным молью тулупом и ватными штанами прадеда Евстафия местечко приготовлено. Пованивает, конечно, слегонца, так ведь и валенки воздух не озонируют. Особенно когда они прелые.

– И вот так всегда! – засопел Майоров. – Другая жена, истомившись в разлуке, нежно заворковала бы, услышав голос своего ненаглядного. И, страстно погулькивая, призывала его домой, на шелковые простыни. А не в чулан к ватным штанам.

– Для страстного погулькивания и томного воркования существует отдельный подвид самок, моделюс вульгарис.

Очень старательные девочки, между прочим, с ними как раз не стоит на шелковых простынях время проводить.

– Почему это? – расслабился Лешка.

– Током шарахнет по самому дорогому, а оно тебе надо?

В общем, решишь поближе познакомиться с рекламным лицом какого-нибудь продукта – тащи его на льняные простыни.

– Я так и делаю, – радостно сообщил негодяй. – Сплю с одним лицом, и не только лицом, между прочим, именно на льняных простынях.

В груди что-то кольнуло, с шипением приподняла голову ревность, а Лешка тем временем продолжил:

– Ага, слышу нарастающее посвистывание. Не кипятись, зайцерыб, с кем еще я могу спать, кроме тебя?

– Напомни, рекламным лицом чего я являюсь? – вкрадчиво уточнила я.

– Пообещай, что к моему приезду пива холодненького купишь и чего-нибудь к пивку, тогда напомню. Я сейчас выезжаю из Шереметьево, успеешь?

– Успею.

– А обещаешь?

– Обещаю.

– Тогда напомню. Собственно, то, что ты об этом забыла, в очередной раз подтверждает, что выбор рекламодателей был верным.

– Не томи.

– Пельмени «Бабушка Аня» – наше все!

И быстренько отключился. Говорю же, негодяйская скотина.

Ладно, обещала купить пива – сделаю. Но отомщу всене-
ременнейше. Главное, чтобы нужные продукты были в бли-
жайшем супермаркете.

– Катерина!

– Аюшки? – В комнату заглянула наша любимая домо-
правительница. Наша баба Катя, практически член семьи. –
Случилось что?

– Лешка едет, звонил только что из Шереметьево.

– Лешенька? – радостно всплеснула руками Катерина. –
Вот радость-то! Это сколько же его дома не было? Месяц?

– Чуть больше. Он вообще на два месяца уезжал, видимо,
окно какое-то в съемках образовалось, вот и решил домой
заглянуть. Он пива свежего просил купить, я съезжу, а ты,
баб Кать, пока с торжественной трапезой что-нибудь придумай.

– Что-нибудь! – фыркнула домоправительница. – Ты же
знаешь, у меня что-нибудь не бывает.

– Извини, не подумала, исправлюсь, – я чмокнула све-
кольно-красную щеку. – Я помчалась, хочу еще за Никусь-
кой заехать, пораньше ее забрать, папа с нами так редко бы-
вает, что каждая минута на счету. Так что если Лешка при-
едет раньше меня, встречай дорогого гостя. Можешь его в
стиралку загрузить, от грязи отмыть.

– От какой еще грязи, господь с тобой! – возмутилась баба Катя. – Сколько можно старое вспоминать! Ты же знаешь, Лешенька после того случая ни с кем, ему истории с Иркой на всю жизнь хватило!

– Да ну тебя, Катерина! – отмахнулась я. – Я вовсе не это имела в виду. Непонятно, с какого перепугу ты вообще Ирину Гайдамак вспомнила.

– Сама не знаю, – тяжело вздохнула домоправительница. – Ладно, Аннушка, тебе пора.

По пути в детский центр Ники как раз располагался супермаркет с неплохим ассортиментом. Надеюсь, все для изящной мсти дорогому супругу найдется.

А кто ищет, тот всегда найдет, между прочим. Главное – внимательно на этикетки смотреть.

Я загрузила пиво и закуску в предусмотрительно захваченную сумку-холодильник (собственно, она, сумка, в неправдоподобную для начала июня жару постоянно находилась в багажнике моей «Тойоты») и порулила за дочкой.

По расписанию у особо одаренных детей сейчас был бассейн. Можно было бы, конечно, подождать, пока детишки наплаваются, но я знаю, как расстроится Ника, узнав, что проплюхалась время, которое могла общаться с папсом. Плавать она, конечно, очень любит, но отца – гораздо больше.

Припарковавшись у ворот центра, я набрала номер мобильного телефона Никуськиной учительницы Юлии Сергеевны:

– Добрый день, это мама Ники.

– Здравствуйте, я вас узнала. Что-то случилось?

– Нет, я хочу забрать дочку пораньше. Понимаю, что она сейчас на плавании, но у нас папа неожиданно приехал, и Ника...

– Можете не продолжать, – вздохнула учительница. – Я знаю, как девочка скучает. Я сейчас за ней схожу.

– Мне зайти?

– Да не надо, я сама ее выведу. Вы где, на парковке?

– Да.

– Через десять минут будем.

В десять не уложились, но за двенадцать справились. Масивная входная дверь распахнулась, и к решетчатой ограде вприпрыжку побежала тоненькая длинноногая девчушка, одетая в шортики и легкую маечку. Выющиеся волосы ольхового оттенка собраны в два хвостика, огромные серо-карие глазищи опущены угольно-черными ресницами, такие же черные тонкие бровки, черты лица – папины, не спутаешь. К почти восьми годам Ника Майорова вытянулась, ушла детская пухлость, но больше всего не знакомых с моей дочерью людей смущало выражение ее личика. Совсем не детское, иронично-умное, иногда ехидное. Ну да, мое, так я же мама, если кто забыл!

Ой, бросьте вы! Излишняя скромность украшает женщину только в том случае, когда других украшений нет.

Следом на крыльцо вышла Юлия Сергеевна, помахала

мне рукой и что-то сказала в маленький передатчик, какие были у всех сотрудников этого центра. Безопасность в наше время – не пустой звук.

Охранник у ворот кивнул, и створка медленно поползла в сторону, пропуская Нику.

– Привет, мамсик! – Дочка влетела в машину через заднюю дверь и закопошилась, устраиваясь на детском сидении. – Здорово, что ты меня решила сегодня пораньше забрать, у нас как раз учительница по рисованию заболела, и после бассейна совсем нечего делать было бы.

– А почему ты не спрашиваешь, зачем я тебя забрала? – улыбнулась я, включая зажигание.

– Я думала просто так, соскучилась.

– И это тоже. Но главный сюрприз – папа. Он приехал.

– Правда?! – показалось, или радость ребенка была немного нарочитой, словно она уже знала о приезде отца. – Папсик! Ур-р-ра! А надолго?

– Не знаю пока, он позвонил из Шереметьево, и я сразу отправилась за тобой. Баба Катя там поляну на сто человек готовит, ты же ее знаешь.

– Знаю, – хихикнул ребенок. – Хорошо, если Витя с папой заедет, а то придется вам с кухни гусеничками расползаться.

– Почему это только нам? Можно подумать, что Ника Алексеевна есть не будет.

– Ника Алексеевна на диете, – манерно пропищала девочка. – Весы зашкаливают, прям ужас какой-то! Сто пятьдесят

три грамма прибавила!

– Обезьяна маленькая! – рассмеялась я, вырубивая на проспекте.

ГЛАВА 4

Наверное, по дороге из Шереметьево опять образовались пробки, что давно уже перестало быть редкостью. Я вообще предлагаю слегка подкорректировать герб Москвы, добавив туда здоровенную пробку. Неважно какую – пластмассовую грибочком или натуральный цилиндрик, главное, чтобы всем понятно было: пробка. Современный символ Москвы.

Но сегодня, судя по времени прибытия господина Майорова, автомобильный поток прерватился в стоячее озерцо. Два с половиной часа! Мы с Никуськой успели вернуться, переодеться, в смысле – принарядиться, я даже косметику решила потревожить, совсем чуть-чуть, Лешка обилия штукатурки на лице терпеть не мог. Это еще одна из причин, по которой я совсем не ревновала мужа. Главной, конечно, было безоговорочное доверие. Ну а то, что претендентки на роль пассии суперзвезды все до единой были глазурированы толстым слоем косметики, делало доверие пуленепробиваемым. Или сексонепробиваемым?

В общем, стол в кухне уже натужно покряхтывал от тяжести тарелок и блюд, заполненных нашей вдохновенной кулинаркой, мы с Никуськой, критически осмотрев друг друга, остались довольны и, выставленные с кухни бабой Катей, с энтузиазмом включились в игру «Нацепи бант».

В которую играли только тогда, когда были уверены, что

наша любимая домохозяйка тотально занята и внезапно не нагрывает.

Потому что основным компонентом игры был огромный капроновый бант с множеством бусинок на пружинистых висюльках. Я не знаю, почему сейчас, когда придумано так много очаровательных украшений для детских головок, несчастных девочек продолжают уродовать гигантскими белоснежными монстрами из капрона. Огромные сооружения, размеры которых часто превосходят головы, на которые их цепляют, смотрятся до жути нелепо. Особенно когда их прицепляют с помощью заколки-невидимки к трем жалким волосикам.

Меня в детстве тоже не миновала сия участь, причем первое знакомство с «красотищей» произошло в совсем юном возрасте, когда мне исполнился год. Возможно, тогда мне это даже нравилось, во всяком случае, на фотографии я выгляжу вполне довольной. И то, что бант привязан ниточкой к совершенно лысой голове, маленькую Анечку совсем не напрягает.

Интересно, а если бы что-то подобное проделали с Гошей Куценко или Федором Бондарчуком, их бы напрягло такое украшение?

Но наша баба Катя была преданнейшей поклонницей бантиков, она покушалась на прическу Ники с момента их первой встречи, тем более что моя дочура к году в отличие от мамы обладала ореолом кудряшек.

В которые можно было впендюрить невероятное количество бантиков, чем баба Катя с невиданным энтузиазмом и занималась. Она цепляла – я потихоньку снимала и «теряла на детской площадке». Потом «терять» начала Ника. Обижать Катерину мы не хотели, но и ходить в дурацких раритетах моя дочка не собиралась.

Домоправительница ворчала на растеряшу, но не сдавалась.

А недавно принесла в красиво упакованной коробочке гигантского монстра, похожего на капронового осьминога. Особенно впечатляли спиральки с бусинками на концах. Когда Катерина нацепила эту красоту на Нику, я едва не скончалась от борьбы с рвущимся на волю хохотом.

Смех щекотал горло, теребил губы, заставлял слезиться глаза, но я, как вы знаете, обладаю несокрушимой выдержкой и неженской стойкостью. Поэтому даже смогла восхищенно ахнуть и всплеснуть руками. Правда, потом пришлось быстренько захлопнуть рот, перекрывая путь рванувшемуся с победным гиканьем хохоту.

А баба Катя, присев на стул, вытерла слезу умиления и прошмыгала:

– Красотулечка ты наша! Я, как увидела этот бант, сразу поняла – Никочкин он! Видите, какие спиральки с бусиками, прямо как кудряшечки нашей девочки! До чего же ты на папу похожа, деточка моя родная!

Ника мрачно покосилась на меня и, скорчив совершенно

Лешкину гримаску, попыталась сдуть упавшее на лоб капроновое щупальце.

Майоров с бантом!

В общем, смех победил. Я едва успела выбежать из комнаты Ники и добраться до нашей спальни. А еще дверь на ключ смогла запереть.

Ника собиралась «потерять» монстра в этот же день, но не тут-то было! И не там-то было! Баба Катя, наученная горьким опытом, решила лично следить за сохранностью офигительного украшения, сама цепляла его на девочку и сама снимала, тщательно запаковывая в коробку. Я за своим бриллиантовым колье, подаренным Лешкой на пятую годовщину свадьбы, так не слежу!

Вот и сегодня Катерина «осчастливила» Нику бантом, потискала, повосхищалась и убежала на кухню, где призывно свистел чайник.

Дочка тут же сдернула с макушки пропеллер и, ловко забравшись на пуфик, пришпандорила красоту к моим волосам. Бант завис где-то на уровне уха.

– Манифик! – манерно восхитилась мартышка и восторженно закатила глаза. – Маман, вы в этом образе сразите папана наповал.

– Уже сразала, – улыбнулась я, незаметно приближаясь к дочке.

Уточнять, что при этом на мне, кроме банта, был надет только фартук, что, собственно, и сразило вернувшегося с

очередных гастролей Лешку наповал, я не стала. Вместо этого коварно напала на ребенка с бантом наперевес. Визг, топот, смех – увлеклись мы, в общем, и не услышали, как щелкнул замок входной двери.

Я как раз догнала в очередной раз Никуську и пыталась нацепить ей осьминога. Дочка визжала и выкручивалась, мы обе задыхались от хохота, ну и, само собой, наши парадные одежды выглядели не очень парадно.

Дочка мельком глянула в сторону прихожей и радостно завопила:

– Папа! Папсик! Ну почему ты так долго!

Я обернулась – в дверях стоял Лешка. И выражение его лица... Откуда столько боли?!

Но в следующее мгновение в глазах моего мужа разноцветными искорками заиграла радость, он наклонился и, подхватив запрыгнувшую к нему на руки Нику, закружил с ней по комнате:

– Я спешил! – чмок в одну щечку. – Я летел! – чмок в другую. – А потом застрял! Машины встали! Я думал, умру без моих девочек, так соскучился!

Очередной чмок прилетел в мою щечку, а потом папа с дочкой ускакали на кухню приветствовать Катерину.

Мило. Больше месяца не виделись – и всего лишь братский поцелуй в щечку?

Нет, а ты хотела, чтобы Лешка с дочкой на руках принялся доказывать, как он по тебе соскучился! Еще не вечер, по-

дожди.

– Мамулька, ты чего тут стоишь? Прилипла, что ли? – В гостиную заглянула Ника. – Там баба Катя зовет к столу, папу руки мыть отправила. Идем скорее!

– Руки – это важно, это правильно, – проворчала я. – Да здравствует мыло душистое и полотенце пушистое! И зубной порошок, и густой гребешок!

– Мамсик, ты чего это Корней Иваныча цитируешь? – хихикнула дочка. – Я думала, приезд папика тебя на Шекспира настроит или на Ахматову хотя бы, а ты Чуковского вспомнила! Очень романтично!

– Это все ты виновата, – грозно нахмурилась я. – Втянула взрослую женщину в детские игрища, вот взрослая женщина и сдетинилась.

Не буду же я говорить ребенку правду. Ведь мы же с собой договорились – еще не вечер. У нас с Лешкой вся ночь впереди.

Лешка уже устроился за столом на своем любимом месте.

– Ну где вы ходите, дамы? – возмутился он. – Меня Катерина обижает, по рукам бьет, есть не дает, пока все за столом не соберутся. Несчастный Леша Майоров устал, проголодался, столько трудностей преодолел, чтобы с семьей повидаться, а они!

– Мы тебя ждали, и ты подожди, – улыбнулась Катерина, ласково глядя на нас. – За столом должна вся семья собираться, ты же знаешь. Тем более что в последнее время это

большая редкость.

– Ага, ждали, – обиженно проворчал Лешка, осматривая заваленный едой стол. – А я, между прочим, кое-кого просил пива холодненького купить, и что? Где пиво? Проигнорировала скромную просьбу, да? А ведь обещала!

– Пиво? – Баба Катя заполошно подхватила и метнулась к холодильнику. – Есть, есть, Аннушка привезла и светлого, и темного, и закуски к пиву. Я просто думала, что это потом, после основной, так сказать, трапезы, побаловаться.

Я скромно промолчала, что мгновенно насторожило Лешку:

– Ну-ка, Катерина, покажи, что там купила моя дорогая супруга.

– Сейчас, только упаковку сниму.

– Это потом, ты мне в упаковке дай, я хочу знать, чем меня побаловать решили.

Он повертел в руках бутылки, вчитался в этикетки и, отложив в сторону закуску, уныло подпер голову руками:

– Злая ты женщина все-таки, мстительная.

– Пей, милый, закусывай, – ласково улыбнулась я. – Я старалась.

– Вижу, – пробурчал Майоров, едва сдерживая улыбку. – Пей, козел толстозадый, да расчлененкой закусывай.

Никуська вчиталась в этикетки и захихикала.

– Вы про что сейчас говорите, никак в толк не возьму! – рассердилась Катерина.

– Да вот, твоя разлюбезная Аннушка купила уставшему мужу пива «Велькопоповицкий козел», а на закуску – воблу «Филе де бабушка» и «Язык в ушах».

– Где язык? – озадачилась домоправительница.

– В ушах.

– А как он туда попал, не достанет ведь?

Ника сползла под стол, а Лешка пожал плечами:

– Ну, не знаю, это у производителей надо спросить, правда, далеко ехать придется, в Беларусь. Именно там придуман сей замечательный «Продукт в желе «Язык в ушах». А в Молдавии под видом воблы продают филе бабушек.

– Страх-то какой! – всплеснула руками Катерина. – И что, в наших магазинах все это есть?

– Ага. А некоторые вредные особы это мужьям покупают. В общем, месть удалась.

А вот вечер и ночь – нет.

ГЛАВА 5

Хотя нет, вру. Вечер получился замечательный. Сначала был аттракцион невиданной щедрости, наш папа с загадочным видом фокусника вытаскивал из чемодана все новые и новые подарки, не забыл никого, даже нашего пса.

– А это – Маю, – торжественно объявил Лешка, вытаскивая здоровенную костяху из прессованных жил. – Кстати, где он? Прячется, что ли?

– Доченька, – ласково пропела я, – сбегай, пожалуйста, в гардеробную, там на полочке аптечка наша. Возьми там клизму побольше и принеси маме.

– Зачем это? – насторожился Лешка. – Мой желудочно-кишечный тракт в полном порядке.

– Хорошая клизма – средство универсальное, в зависимости от наполнения она не только тракт прочищает, но и мозги. Я ведь одному старому склеротику и в письме писала, и по телефону говорила, что Май отправился на дачу к Левандовским, там сейчас только Инга с Ириной Ильиничной, Сергей Львович, Артур и Алина в Москве. Вот наш псович и сторожит дам.

– Точно! Было! Теперь вспомнил, – смущенно улыбнулся Лешка. – Совсем замотался, если честно, съемки в кино, оказывается, довольно утомительное занятие. Хорошо, что наш режиссер на сочинский «Кинотавр» в качестве чле-

на жюри отправился, поэтому образовался перерыв в съемках. Так что я с вами почти на неделю!

– Ур-р-р-ра! – завопила Ника, шустро вскарабкавшись на папины плечи. – Поехали на дачу, там бассейн!

– А как же занятия в центре?

– Между прочим, в центре через неделю каникулы начнутся, и ничего страшного, если вы меня пораньше заберете. И вообще, – Ника поудобнее устроилась на отцовской шее, – что ты собираешься делать в душной и пыльной Москве? От поклонниц в квартире прятаться?

– Уговорила, – рассмеялся Лешка. – Только у меня встречное предложение – а давайте к Левандовским махнем? Чего нам одним неделю торчать, соберемся всей компанией, шашлычки там, то-се, Алина с Артуром, думаю, отложат свои дела ради сабантуя. Мы ведь последний раз когда собирались, на Новый год, кажется?

– Не кажется, точно, – оживленно подпрыгнула дочка, заставив папу охнуть. – Мамсик, здоровская идея! Баба Ира давно уже нас в гости зовет, а мы все никак не соберемся.

– Зайцерыб, ты как? – выжидательно посмотрел на меня Лешка. – Не против навестить старых друзей? Тоже небось только по телефону с ними общаешься, да? Я-то ладно, меня в Москве почти не было за эти полгода, но ты ведь все равно ничем не занята.

– Зато Алина занята, – проворчала я. – Если ты не забыл, она теперь концертный директор и администратор Артура.

– Да, Арчи пошел в гору, – улыбнулся Майоров. – Кто бы мог подумать, что виолончелист может столько гастролировать!

– Ростропович мог подумать, – настроение почему-то окончательно испортилось, что тут же было замечено ребенком.

– Мам, ты чего? – Ника спрыгнула с Лешкиных плеч и подбежала ко мне. – Ты не хочешь к Левандовским, да? Хочешь побыть только втроем?

Нет, все-таки кое-какие способности ребенка-индиго у дочки остались. Другого объяснения такой ментальной чуткости семилетнего ребенка у меня не было.

Ника обняла меня тонкими ручонками и прошептала на ухо:

– Ты не расстраивайся, все будет хорошо. Папа просто устал.

– Эй, вы чего там шепчетесь? – грозно зарычал папа, поднимаясь с места. – Заговор против главы семейства? Бунт на корабле?

– Совещание, – деловито сообщила Ника. – Мы тут посоветовались, и я решила, что мы едем на нашу дачу, к Левандовским потом, в твой следующий приезд.

– Как скажете, фельдмаршал! – вытянулся в струнку Майоров.

А потом коварно напал на фельдмаршала и затеял с ней веселую возню.

Только вдвоем.

Ну и ладно. Ну и пусть. Вот когда некая особа станет крупнейшим журналистом, она покажет одному зазвездившемуся звездуну, кто есть ху. Он у меня будет на аудиенцию за полгода записываться!

Я развернулась и, гордо выпрямившись, направилась к выходу. Но дойти до двери не успела, на меня напала амазонка на горячем скакуне. Причем в гриве скакуна болтался капроновый раритет бабы Кати.

Хорошо, что у нас квартира большая, есть где удали развернуться, а потом свернуться.

Около девяти вечера из нашей банды был изъят и унесен в ванную главный член – Ника. И мы наконец остались вдвоем.

И все двадцать минут, пока Катерина купала Нику, господин Майоров увлеченно рассказывал мне о съемках фильма.

А потом первым убежал в ванную – «смыть дорожную пыль».

И то, что я увидела, приняв душ и вернувшись в спальню, меня уже не удивило. Разметавшись на нашей двуспальной кровати, Алексей безмятежно спал.

Грустно, господа. Грустно, когда любовь-страсть превращается в любовь-дружбу. Да, знаю, так бывает почти всегда, но ключевое слово – почти! Я была абсолютно уверена, что с нами этого не произойдет.

Значит, привык, дорогой? Все спокойно, все тихо, никаких потрясений, дома привычным предметом мебели ждет

привычная жена? Курица, обожающая «Дом-2»?

ОК.

Утром, конечно, Лешка постарался реабилитироваться, и получилось у него, прямо скажем, неплохо.

И на даче получалось неплохо, но... Снова то самое «но». Он слишком старался, заставив меня вспомнить совершенно кретинское словосочетание «супружеские обязанности».

А может, это у меня рецидив курицы, и я слишком мнительная?

Может, и так, но от намеченного рядом с дрыхнувшим мужем плана я отступить не собиралась.

И после приезда на дачу первым делом, пока Лешка плескался с Никой в бассейне, набрала номер Таньского:

– Привет, олигархище!

– Язык не сломала? – участливо поинтересовался подруга.

– Никогда! Это же одно из моих орудий труда.

– Ты поосторожнее словами бросайся, – хихикнула Татьяна. – Язык, между прочим, одно из основных орудий труда представительниц древнейшей профессии.

– Гадость ты пакостная!

– Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты! Ну, как твои успехи на ниве журналистики? Открыла уже Лешке страшную тайну?

– Пока нет. Нечем особо хвастаться было. Но теперь мне заказали большой материал на весьма актуальную в начале лета тему.

– И какую же?

– Наши на отдыхе.

– О-о-о, да! – рассмеялась подруга. – Братья-славяне даже в элитных отелях Салимов чуют, мне Хали рассказывал.

– Очень хорошо, что рассказывал, потом и мне расскажет, – Мустафа Салим, отец Хали, владел сетью отелей премиум-класса, и сын помогал ему рулить процессом. – Но я хочу попросить его вот о чем.

– Так и просила бы напрямую, ты же его номер знаешь!

– Таньский, не вредничай!

– Ладно, ладно, говори.

– В общем, я решила смотаться в Турцию, там наших больше всего. И мне нужен свой человек в отеле, лучше всего – отельный гид, который знает все и всех и сможет показать и рассказать все, что надо. А еще – неболтливый, поскольку я не хочу, чтобы мы с Никой вызывали нездоровое любопытство.

– С Никой?

– Ну да. Не сидеть же ей одной в Москве, пока мамаша будет у моря прохлаждаться!

– Так все равно ваучеры будут оформлять на имя Анны Лоцининой и Ники Майоровой, уже в турфирме ваше инкогнито будет раскрыто.

– Не переживай, настоящий папарацци все продумает, все просчитает. У меня паспорт есть на другое имя, туда и Ника вписана.

– И где же ты его достала?

– Есть деньги – нет проблем.

– Ох, Анюта, и почему мне кажется, что ты снова лезешь в какую-то авантюру, да еще и дочку с собой берешь! Мало вам было приключений?

– Да какие приключения могут быть в Турции? Это же практически федеративный округ России, для нас даже визы отменили!

– Ну, не знаю...

– Так, – начала заводиться я. – Ты сразу скажи – поможешь или нет? Я ведь все равно поеду.

– А я Лешке расскажу про твою затею!

– Пока, – я нажала кнопку отбоя и едва не выбросила ни в чем не повинный аппаратик в окно второго этажа.

Видимо, испугавшись незавидной участи, он затрясся и трусливо завопил.

Не буду отвечать, я обиделась. Подруга называется!

Телефон не умолкал, истеря все сильнее.

– Ну чего еще! – рывкнула я в трубку. – Не звони мне больше, буржуйка!

– Не психуй, – примирительно проговорила Татьяна. – Я же за вас с Никуськой переживаю, как-то беспокойно сразу на душе стало.

– Дай душе валерьянки.

– Кончай бухтеть. В общем, я все узнаю и завтра тебе перезвоню. Довольна?

– Пока не очень. Угроза стукачества вовсе не миновала.

– Да не буду я ничего Лешке рассказывать, успокойся.

– И Хали предупреди, чтобы не болтал. Я знаю – они с

Майоровым общаются.

– Он что, хоть полслова сказал Лешке о твоём возвращении в журналистику? А ведь полгода в курсе.

– Все равно предупреди.

ГЛАВА 6

Если не заморачиваться на кое-какие мелочи, в целом наш семейный отпуск на даче прошел просто замечательно. Правда, мелочи все были из уже поднадоевшего семейства по фамилии Но, и количество камешков в обуви начинало раздражать.

Лешкин телефон, к примеру, не умолкал. Да, так было и раньше, но наш папа дорожил каждой минутой, проведенной с семьей, и просто-напросто отключал на время отдыха верещалку. На случай какого-либо форс-мажора у него был Виктор, бессменный администратор и хороший друг. Он разберется с любым форс-мажором одной левой. Ну, может изредка и правой шевельнуть.

Но в этот раз зловредный кусок пластика то и дело вопил на разные голоса, особенно часто глухим басом сообщал: «Р-равняйся! Смир-рно! Равнение на генерала!» Такой рингтон Лешка установил на режиссера своего фильма, Тахира Хасбулатова. Чего Тахиру Талгатовичу не сиделось спокойно в Сочи, я не знала, но барабанил он несколько раз в день, и Лешка, извнившись, отходил в сторону, чтобы не мешать нам с Никой своей болтовней.

Еще был двоюродный дядюшка из семейки Но – поездки господина Майорова в город. Одиночные поездки, с собой он никого не брал. Я-то и не просилась, но Ника, стремив-

шаяся быть рядом с папой как можно больше времени, очень обижалась на него. А в последний раз, когда Лешка снова не взял ее с собой, даже расплакалась, чем напугала меня до икоты.

Потому что наша девочка обычно плакала только от физической боли. А тут...

До нашего отъезда с дачи оставался один день, и малышка, предчувствуя очередное долгое расставание с папсиком, не отходила от Лешки ни на шаг. И, когда мобильник Майорова снова скомандовал построение, Ника схватила лежавший на шезлонге аппаратик и спрятала его за спиной.

– Никуська, хватит баловаться, – улыбнулся Лешка. – Это по делу.

– Нет, – помотала головой девочка, – не по делу. По делу сто раз в неделю не звонят.

– Ника! – Майоров подошел к дочери и протянул руку. – Дай мне телефон, пожалуйста.

– Не дам.

– Ника!

Я с изумлением наблюдала за происходящим. Лешка впервые в жизни всерьез злился на дочь, в голосе забренькало раздражение:

– Прекрати вести себя как избалованная девчонка! Это моя работа!

– Не ври!

– Что-о-о?! Ты как с отцом разговариваешь? Отдай немед-

ленно телефон!

– Ага, а ты потом снова уедешь! И не возьмешь меня с собой!

– С чего ты взяла?

– Знаю! Ты ни разу не взял ни меня, ни маму!

– Отдай телефон!

А дурацкий рингтон продолжал надрываться. Ну и нудный человек господин Хасбулатов!

От мысленной характеристики известного режиссера меня отвлек вскрик дочери. Я повернула голову и...

Бледная до синевы Ника растерянно терла руку, в которой недавно был зажат телефон отца, а сам виновник торжества торопливо шел в сторону гаража, что-то вполголоса объясняя в трубку.

– Он что, ударил тебя?! – Я подбежала к малышке и присела перед ней на корточки.

– Нет, – Ника попыталась успокаивающе улыбнуться, – папа просто немного выкрутил мне руку, забирая телефон.

– Он что, совсем рехнулся?!

– Нет, мамочка, не злись на него, я сама виновата, – расстроенный шмыг носом. – Я просто не хотела, чтобы папа снова уехал. Очень не хотела.

Шмыг, еще один, огромные глазищи внезапно наполнились слезами, и ребенок, уткнувшись мне в грудь, горько расплакался.

Ну все, господин Майоров, вы допрыгались! Вам я насто-

ательно рекомендую идти в анус, а мы с дочкой возвращаемся в Москву!

И затеянная мной авантюра с поездкой в Турцию теперь более чем оправданна. Вы, любезный, скрываете, и я буду. Никому не расскажу, куда мы собираемся и зачем, ни Левандовским, ни Катерине. А Таньский – верный соратник по партии – вскрыет тайну только при наличии специального консервного ножа, именуемого форс-мажором.

Поскольку на дачу мы приехали на Лешкином джипе, мне пришлось вызывать такси, и больше всего я боялась, что Майоров вернется раньше, чем мы успеем уехать. Объясняться с ним мне не хотелось.

Всю дорогу до Москвы дочка тихонько сидела рядом со мной, прижавшись к моему боку и изредка всхлипывая.

К счастью, водитель такси, пожилой усатый дядька, оказался неразговорчивым, что большая редкость. Но еще большей удачей оказалось то, что славный дядечка не был поклонником радио «Шансон» и блатная романтика не разжижала мне мозг.

В салоне негромко звучало «Авторадио» и пахло еловым освежителем. Спасибо тебе, Господи, что не стал добивать нас с дочкой и послал нам этого усатого ангела, который еще и не курит!

Поскольку мы вернулись раньше обещанного, дома нас никто не ждал, Катерина уехала домой. В холодильнике тоже было пусто, и я решила смотаться в магазин за продуктами.

– Мама, я с тобой! – Ника услышала, как забренчали ключи от машины, и выбежала в прихожую.

– Да я быстренько, ты пока телевизор посмотри или в Интернет сходи.

– Не хочу, я с тобой! – Голос малышки снова задрожал. Да что с ней такое?

– Хорошо, поехали.

Мы спустились в подземный паркинг и сели в мою «Тойоту». Я включила зажигание и откинулась на спинку сиденья, дожидаясь, пока двигатель очнется от почти недельной спячки.

– Мам, – тихо проговорила Ника, устроившись на своем сиденье, – а давай Мая заберем у Левандовских. Я соскучилась. Или к ним уедем, прямо сегодня. Пусть поищет нас, поволнуется.

Кто поищет, я уточнять не стала.

– У меня к тебе встречное предложение, – я повернулся к дочери и заговорщицки подмигнула. – Я тут решила в журналистику вернуться...

– А я знаю. Ты уже несколько месяцев пишешь.

– Откуда ты знаешь? Тебя же целыми днями нет, в своем центре одаренность шлифуешь?

– Ну и что? Я же все равно дома в отличие от папы, да и газеты со своими статьями ты приносишь. Я их, между прочим, прочитала. Все. Мне нравится, как ты пишешь. Ты у меня, мамуль, талантище необузданный!

– Не лъсти матери, – я облегченно улыбнулась – кажется, ребенок больше не горюет, отвлеклась, снова стала прежней Никой-хитровкой, а не слезливой барышней.

– Я правду говорю, тебе давно уже надо было вернуться в журналистику, а то ты уже на себя почти не похожа была. Почти превратилась в жеманную Коку.

– Кого? – ласково переспросила я, занимая удобную позицию для наказательных щекоталок.

– Коку, – хихикнула девочка, благоразумно отодвигаясь. – Это гламурное название московской курицы. Начала уже в ванной перья терять, баба Катя замучилась сток прочищать. Но зато после высушивания твоих перышек их набралось на хорошую подушку.

– И это любящая дочь! – трагически взвыла я, заломив руки. – Вот только что чудовищно унизила родную мать! А я-то думала, что есть кому на старости лет стакан воды подать!

– Во-первых, – Ника деловито шмыгнула носом, – у тебя не будет никакой старости лет, я тебя знаю, ты и в двести лет свой попный пропеллер в кладовку не уберешь...

– Прости, что?

– Попный пропеллер, – с готовностью повторила девочка. – Ну, то что у тебя в попе жужжит и от гламурной Коки спасает.

– Злыдня.

– Так есть в кого. А по поводу стакана воды – я что-то сильно сомневаюсь, что он тебе понадобится. Вот бокал мар-

тини – это да, в это верю. Его подам, не волнуйся.

– Спасибо, утешила.

– Так мы едем в магазин или нет? По-моему, весь паркинг уже выхлопами нашей машины провонялся.

– Едем, – я аккуратно вырулила со стоянки. – И прекрати меня сбивать с мысли, она и так верткая и из-под ног все время выскальзывает.

– Кто?

– Мысль. Мама старенькая, маме трудно сосредоточиться, она все самое ценное в себе дочери передала, сама теперь обрывками былой роскоши перебиваюсь.

– Ключевое слово – перебиваешься. То есть сама себя перебиваешь. Напоминаю, мамсик, у тебя была мысль.

– Между прочим, – проворчала я, – даже у самых-пре-самых особо одаренных имеется попа, по которой родители могут в случае необходимости настучать. И вообще, я передумала, не возьму тебя с собой, отправлю к Левандовским на дачу. Нечего маленьких девочек в авантюру втягивать.

– В авантюру? – Дочка возбужденно подпрыгнула в детском кресле – мы с ней очень дисциплинированные участники дорожного движения. – Я не хочу к Левандовским, я хочу в авантюру!

– Но учти, тебе придется на время забыть, что ты Ника Майорова, на пару недель ты станешь Вероникой Луговской.

– Здорово! Мы куда-то едем?

– Да, в Турцию. Но об этом никто не будет знать, кроме

Таньского. Мне материал заказали, большой, на несколько номеров, о наших соотечественниках на курорте.

– И что тут такого секретного? Тоже мне, криминальное расследование! – разочарованно фыркнула девочка.

– Я, конечно, не совсем адекватная мать, – я въехала на стоянку возле супермаркета и выключила зажигание, – но остатки разума пока сохранила. Неужели ты всерьез считаешь, что я взяла бы тебя с собой на опасное мероприятие?

– Тогда зачем менять имя?

– Затем, что я не хочу привлекать к себе внимание, как жена Алексея Майорова, я поэтому и под псевдонимом пишу. И в Турцию поеду под этим псевдонимом.

– Поняла, – серьезно кивнула Ника. – Когда едем?

– Через пару дней.

ГЛАВА 7

Наш папа обнаружил отсутствие на даче семьи только вечером. Во всяком случае, на мой мобильный он позвонил где-то около восьми. Само собой, я не ответила. Тогда Лешка набрал номер Ники. Я слышала, как дилинькал ее аппаратик, но дочка тоже оказалась гвоздем.

Каким гвоздем? Тем самым, который воспевал Владимир Владимирович. Да не он, господь с вами, – Маяковский! Помните?

Гвозди бы делать из этих людей,
Не было б крепче в мире гвоздей!

В детстве мое чересчур живое воображение рисовало гигантского дяденьку Маяковского со здоровенным молотом в руках. Он идет вдоль шеренги чумазого пролетариата и с энтузиазмом лупит этим молотом по головам несчастных, вбивая их в землю по самую шляпку. Да, забыла упомянуть – чумазый пролетариат украшен кокетливыми шляпками в стиле «шапо-кляк», чтобы больше походить на гвозди. И было по что вбивать.

Но мы с дочкой подставлять головы под удар разборок и выяснения отношений не собирались, поэтому, не сговариваясь, проигнорировали телефонные вопли.

Тогда заголосил наш городской телефон. Из своей комнаты вышла мрачная Ника, протопала к телефонной розетке и выдернула шнур.

Я же говорю – гвозди мы, гвозди. И не какие-нибудь там обивочно-мебельные, а монументальные и нестигаемые.

Вечером езда по Москве становилась больше похожей на езду, а не на соревнование гужевого транспорта, поэтому Лешка примчался где-то через час.

Причем сама дорога заняла у него намного меньше, опять небось добавил седины некоторым встречным водителям.

Почему я так решила? Потому что наш папа ворвался в квартиру с двумя роскошными букетами цветов и здоровенным пакетом, из которого выглядывали всякие вкусоности-сладости.

Мы с Никуськой как раз закончили с вечерней помывкой, и я несла завернутого в пушистый халатик ребеныша в ее комнату, когда входная дверь распахнулась, и прихожая наполнилась ароматом цветов.

– Слава богу! – выдохнул запыхавшийся Лешка, увидев нас. – Вы в порядке! Я черт знает что передумал, пока ехал, чуть гаишника не задавил, еле откупился, звоню...

– Ника, – я с недоумением переводила взгляд с дочки на мужа, – кто это?

– Не знаю, – пожала плечиками та, – дядька какой-то. Наверное, дверью ошибся.

– Ага, дверью, – я опасливо обогнула застывшего посре-

ди прихожей Майорова, – а ключи у него откуда? Тоже мне, «Ирония судьбы»! Милицию вызвать, что ли, пока он не спер что-нибудь ценное.

– Главное, чтобы ершик для унитаза не взял, он мне очень нравится, – сердито проворчала Ника.

– Девчонки! – За спиной раздался глухой стук, сопровождаемый звонким бреньком. – Ну простите меня, дурака старого! Я совсем задергался с этим фильмом! Я больше не буду! Никусь, малыш мой родной, не злись!

Я развернулась и едва сдержала улыбку, которая тут же заерзала в уголках глаз, раздраконивая слезные железы.

Ага, ты еще зарыдай от умиления и не забудь, наклонив голову, прокурлыкать растроганное «о-о-о!».

Посреди прихожей стоял на коленях наш папа, нацепив на физиономию самое прежалостливое выражение из своего обширного арсенала гримас. Рядом валялся пакет с вкусностями, из которого выкатились бутылки мартини и французского детского шампанского, которое обожала Ника.

Майоров протяжно вздохнул, шмыгнув носом и, опустив голову, протянул нам букеты. Нежный, составленный из белых и розовых цветов, предназначался, наверное, Нике, а пылающее буйство алых и оранжевых оттенков, надеюсь, мне.

Я не ошиблась.

В общем, мы помирились, налопались на ночь сладостей, снова отмыли от крема дочку, уложили ее спать, а потом буй-

ство алого и оранжевого продолжилось.

И впервые за много-много времени рядом был прежний Лешка.

Мой Лешка.

И все черные, гнилые мысли, все подозрения я сгребла в помойное ведро и вылила в канализацию. Они гнусно визжали, цеплялись щупальцами за край и никак не желали тонуть, обзывая меня слепой наивной идиоткой, но я справилась. С помощью спрея от тараканов.

Вечером наш папа уехал, и снова надолго. Сначала на съемки, а потом на гастроли. Перед гастролями он, конечно, заедет домой, но буквально на пару часов, так что это не считается.

Но в этот раз мы с дочкой особо скучать не будем. Таньский выполнила обещание, нашла нужного человечка и дала мне его координаты.

Михаил Исмаилов, сын азербайджанца и русской, родился и вырос в Баку, окончил университет туризма, а на последнем курсе отправился на стажировку в Турцию. Азербайджанский и турецкий языки похожи, поэтому трудностей в общении у Михаила не было, парень оказался расторопным и толковым, его быстро заметили представители крупнейшей туристической компании и пригласили после защиты диплома к себе в штат. Сначала Михаил жил в Турции только во время туристического сезона, с апреля по октябрь, но потом встретил свою Надиру, подрабатывавшую в отеле

на ресепшен, влюбился, женился и осел в Турции насовсем.

Хали Салим познакомился с Михаилом во время деловой поездки в один из отелей, принадлежавших семье Салимов. Роскошные апартаменты, в которых было все для спокойного элитного отдыха, прятались в уютной бухте неподалеку от местечка Фетхие. Рядом находился всего лишь один отель, не менее роскошный и уединенный, где и работал Михаил Исмаилов.

Казалось бы, что общего у наследника миллионов и рядового сотрудника туристической компании? Но Хали никогда не заморачивался вопросами статуса и соответствия, если человек был ему симпатичен. Салим с удовольствием продолжал знакомство, обрывая общение только в том случае, если новый знакомый принимался кланчить деньги. И вовсе не потому, что денег было жалко. Дружба в представлении Хали не должна базироваться на материальной выгоде.

Но Михаил никогда ничего не просил, ему было просто интересно.

И поэтому именно о нем вспомнил Хали, когда жена обратилась к нему с не совсем обычной просьбой. Моя благо-разумная подруга не стала уточнять, что я собираюсь ехать в Турцию под чужим именем, иначе господин Салим не стал бы нам помогать.

Поскольку на собственном горьком опыте убедился в моей способности влипать в самые жуткие неприятности, втя-

живая в гнилую трясиину всех, кто окажется рядом. И никакие доводы о том, что в обжитой братьями-славянами Турции нет ни бедуинов, ни террористов, его не удержали бы от немедленного звонка Лешке.

Как это нет террористов, а курды?!

В общем, Хали созвонился с Михаилом и уточнил, в каком отеле тот сейчас работает. К счастью, Миша в последние годы работал исключительно в пятизвездочных отелях, и на этот раз он не изменил традиции, обосновавшись в «пятерке» на побережье Алании. Но, что оказалось совсем уж подарком судьбы, работал Михаил Исмаилов в так называемом «русском» отеле, где отдыхали только наши соотечественники.

Узнав, о чем я собираюсь писать, Миша очень воодушевился и пообещал поделиться собственными наблюдениями и вообще очень, так сказать, проникся.

Мне оставалось только купить в турфирме путевки именно в этот отель, что большого труда не составило, поскольку отель был просто огромным. Меня немного смутила невысокая для пяти звезд стоимость путевок, но менеджер фирмы объяснила это именно размерами отеля.

Кстати, мои новые документы на имя Марины Луговской уплаченных за них нехилых денег стоили. Во всяком случае, первую проверку в турфирме прошли легко.

Вылетали мы через два дня, теперь надо было сообщить о нашем отъезде Катерине.

Что я и проделала вечером за ужином.

– Баба Катя, – я допила сок и отставила стакан в сторону, – мы с Никуськой решили пожить в нашем загородном доме, очень уж душно в Москве. Да и скучно, все друзья-приятели разъехались.

– Это хорошо, – важно кивнула Катерина, – это правильно. Когда едем?

– Почему едем? – удивилась Ника. – Ты что, тоже с нами хочешь?

– Ну да, как вы там без меня справитесь.

– Здравсте, – насупилась девочка. – Что, по-твоему, мы с мамой такие безрукие и беспомощные, да? И вообще, кое-кто, я слышала, собирался к родственникам в Украину летом съездить, вот и поезжай.

– Собиралась, конечно, но...

– Никаких «но», Катерина, – я приобняла домоправительницу за плечо. – Лучшего времени не найти. Мало ли как дальше у Леши сложится, правильно? В общем, мы через два дня отбываем на дачу, а ты иди бери билеты на киевский поезд. Месяц в твоём полном распоряжении, всю родню объездить с мужем успеете.

– Вы точно без меня справитесь? – видно было, как Катерине хочется в отпуск.

– Точно, точно, не переживай.

– Ну ладно.

ГЛАВА 8

Если честно, я в отличие от лягушки-путешественницы Таньского, до замужества объездившей все курорты Турции и Египта, нигде особо не была. До знакомства с Лешкой летом выезжала только по журналистским делам, а они дальше нашей области меня не звали. Ну вот никак.

Зато потом куда меня только не заносило! Но по-настоящему просто отдохнуть к морю я съездила только однажды, все с той же Татьяной. В Египет. А там рядом отель взорвали. Но зато у Таньского появился Хали.

Потом была попытка купить виллу на Лазурном Берегу, где, как мы с Лешкой рассчитывали, нас не будут донимать назойливые папарацци. Они и не донимали, чего не скажешь о милашке Дюбуа, черном колдуне вуду.

В итоге мы купили загородный дом в Подмосковье, где и проводили лето. Еще к Таньскому ездили в Швейцарию, к Саше Голубовской, еще одной моей хорошей подруге, на Балтийское побережье Германии.

В общем, не скучали. И менять все это на ту же Турцию с толпами народа не собирались.

Но теперь – совсем другое дело! Я по заданию редакции еду, вот. Как забабашаю сейчас путевые заметки покруче записок «дрянной девчонки» Дарьи Асламовой!

Но сначала надо пройти паспортный контроль в аэропор-

ту. Я, если честно, опасалась, что мое сердце переварится в желудке, куда оно все время плюхалось от ужаса. Еще меня могли выдать коленки, возомнившие себя кастаньетами. С упорством маниакальной бездарности они пытались выступить «Турецкое рондо» Моцарта, но звук глушили благоразумно надетые в дорогу джинсы.

На фото для паспорта на имя Марины Петровны Луговской я специально фотографировалась без макияжа, да еще и старательно тарасилась в объектив, отчего выражение лица было... было... Как у большинства на фото в документах, в общем.

Приблизившись к стеклянной будке паспортного контроля, я от ужаса вытарасилась почти так же, как в паспорте. Усталая женщина в форме казалась мне сейчас ангелом возмездия с карающим мечом. Вот сейчас она нажмет какую-нибудь потайную кнопочку, и меня уведут для разбирательства.

И снова придется звать на помощь Сергея Львовича Левандовского. «Нафаня-а-а-а!» Почему его? А разве я не говорила? Потому что наш добрый деда Сережа – генерал ФСБ, на минуточку. Наша дубиночка-выручалочка.

Усталый ангел возмездия сравнила меня с фото в паспорте, приподнялась, чтобы разглядеть Нику, постучала клавишами компьютера и... Шлепнула штамп!

Ур-р-р-ра! Получилось! Не обманули меня паспортные умельцы.

А вот Ника, похоже, совсем не волновалась. Конечно, семилетний ребенок и не должен переживать по поводу оформления документов, не ребенковое это дело, пусть у родителей голова болит. Но моя дочь, к счастью (или к сожалению), обычной семилетней малышкой не была. Она прекрасно понимала, что мама стала на скользкую тропу криминала, пытаясь улететь из страны по поддельному паспорту, но не жалась испуганно в сторонку, а с радостным визгом каталась по этой тропе, словно по ледянке.

Не забывая хихикать над туристами, старательно запеленывавшими свой багаж в пленочный кокон:

– Мам, смотри, их чемоданы на здоровенных личинок стали похожи. А они – на муравьев, перетаскивающих этих личинок в кладовку для детей. От этого Домодедово еще больше на муравейник похоже!

В аэропорту Анталии я уже ничего не боялась. Мы с дочкой отловили на ленте транспортера наш чемодан и вышли из прохладного благодаря кондиционерам помещения терминала в душное марево средиземноморского курорта.

– Морем пахнет! – Ника зажмурилась от восторга. – Теплым! Я его почти не помню!

– Теперь вспомнишь, – я поспешила сменить слишком болезненную тему, поскольку последний раз на побережье Средиземного моря она была как раз в лето встречи с боко-ром. И потом нам было уже не до моря. – Сейчас лучше ищи таблички с названием нашей туристической компании, ви-

дишь, сколько их тут!

– А чего их искать, их больше всего, – улыbnулась девочка и потащила меня в нужном направлении.

Через два часа мы уже были в нашем отеле. И несмотря на то, что добрались мы туда около девяти часов вечера, Михаил нас дождался, хотя его рабочий день заканчивался в восемь.

Едва мы отошли от стойки ресепшен, следуя за юрким носильщиком, утащившим наш чемодан, как к нам приблизился невысокий коренастый мужчина лет тридцати с открытым улыбчивым лицом:

– Здравствуйте! Вы – Анна и Ника?

– Да, а вы – Миша, правильно?

– Со мной-то правильно, а вот вашего, Анна, имени я в списках заселяющихся гостей не нашел, – хитровато прищурился Михаил. – Там какая-то Марина Луговская с дочерью Вероникой. Это как?

– Тише! – зашептала Ника, нарочито испуганно оглядываясь по сторонам. – Вокруг вражеские агенты, вы нас спалите! Перед вами, между прочим, международный человек-загадка.

– С ума сойти! – рассмеялся Исмаилов. – Ладно, потом расскажете что тут к чему, а сейчас поторопитесь на ужин, еще успеете.

В ресторане Миша развлекал нас обещанными байками из жизни наших на отдыхе. Он вообще оказался очень обая-

тельным и коммуникабельным, стало ясно, почему Хали подружился с Исмаиловым. Мы почти сразу перешли на «ты», а через полчаса казалось, что я знаю этого хохмача сто лет. Манерой общения Михаил очень напоминал мне Илюху...

Баек о моих соотечественниках у отельного гида накопилось предостаточно, но мне нужны были личные наблюдения, которые можно сфотографировать.

И утром мы пошли их, наблюдения, собирать. И сразу же наткнулись на объявление о шезлонгах.

– И что, наши действительно тащат на пляж шезлонги? – засомневалась я.

– Тащат, причем не только от бассейна. Я пару лет назад работал в отеле, где в начале сезона были одни немцы. В конце мая заехало аж двести пятьдесят россиян сразу, и началось! Утром к своему гиду побежали немцы с жалобой, что на пляже все шезлонги заняты полотенцами, а людей нет. Те, кто отважился снять полотенца и занять лежаки, горько пожалели об этом, когда наши проснулись и потянулись на пляж. Им припомнили все, даже Ленина, присланного из Германии в бронированном вагоне. Немецкий гид посоветовал соотечественникам встать пораньше и самим занять лежаки, что те и сделали. А на следующее утро мне позвонил директор отеля и вкрадчиво поинтересовался, не знаю ли я, где, собственно, шезлонги с пляжа? Я побежал на пляж и убедился, что там почти пусто! А часам к десяти-одиннадцати потянулись наши с шезлонгами под мышкой. Они просто

унесли их накануне вечером в номера, чтобы не заморачиваться соревнованием «Кто раньше встанет». А тут – всего лишь от бассейна! Кстати, о бассейне – может, хватит Нике там плескаться, пора и к морю, а?

– Пора, конечно, – тяжело вздохнула я, вытирая пот, – но я ведь сюда не отдыхать приехала.

– Да брось! – отмахнулся Миша. – Главное в любом деле – без фанатизма. Тем более что у вас есть я. В общем, сейчас забирай дочку, уже больше одиннадцати, плохое солнце. Идите в номер, отдохните, а после обеда отправляйтесь на пляж и наслаждайтесь морем и солнцем.

– Но работа...

– Все будет в порядке, материала наберешь – больше чем достаточно. Да на том же пляже, загорая рядом с нашими. А послезавтра я везу группу туристов на рафтинг, поехали с нами – увидишь много забавного.

– Рафтинг? Что это?

– Сплав по горной речке на надувных плотках-рафтах.

– Горная речка? Ты что, с ума сошел, я боюсь!

– Не бойся, вам с дочкой понравится. И фотографий прикольных нащелкаешь, гарантирую! А еще через два дня едем в дельфинарий, там сейчас американский аттракцион гастролирует, амазонскую русалку показывают.

– Кого? – скептически фыркнула я. – Русалку?

– Напрасно смеешься, – усмехнулся Михаил. – Я сам поначалу не верил, пока не увидел ее. Аж мурашки по коже,

честно.

– Допустим. Но какое это имеет отношение к моему зада-
нию?

– Самое прямое. Увидишь, как ведут себя русские. Да и
не только они, если честно. Просто – как ведут себя люди.
И кто из них ближе к животным – двуногие или несчастное
существо?

– Ты меня заинтриговал, противный, – манерно прогундо-
сила я и за отсутствием веера шлепнула Михаила рекламкой
салона кожаной одежды, разбросанной по всей территории
отеля. – Не обмани даму в ее ожиданиях, а то дама обидится.

– И чем это грозит?

– Моя настольная книга – записки Елизаветы Батори, слы-
шали об этой нежной и чувствительной женщине?

– Слышали, – Миша на всякий случай отошел подальше. –
А теперь мне пора, там, наверное, меня уже потеряли давно.

– Ага, иди. И кстати – не забыл наш уговор?

– Какой? Не говорить Хали, что вы с Никой тут под дру-
гим именем?

– Да.

– Не забыл. Но мне, если честно, это не нравится. Цели
своей ты добилась, инкогнито сохранила, теперь можно и не
прятаться от мужа.

– Пока нельзя.

– Но от друзей-то зачем?

– А Татьяна в курсе. И этого пока достаточно.

– Ну смотри сама. Все, я пошел. Готовьтесь к рафтингу, дамы.

– А что готовить?

– Купальники и крем с высоким УФ-фильтром. В горах солнце еще интенсивнее, чем здесь.

– Слушаюсь, товарищ начальник!

И мы с Никой с удовольствием плюхнулись в пляжный отдых, тем более что море было теплое, прозрачное и ласковое.

ГЛАВА 9

Михаил оказался прав – материал для статей набирался легко, для этого вовсе не надо было бегать по территории отеля с фотоаппаратом наперевес. Говорящих снимков я нащелкала и на пляже, основной сложностью было сделать это незаметно для будущих героев репортажа.

Что? Они могут подать на меня в суд за публикацию их физиономий без согласия? Да сколько угодно! Не надо было свинячить на пляже, господа.

– Мам, что ты там все пишешь и пишешь, – сонно пробормотала Ника, закопошившись в кровати. – Спать давно пора, нам же рано вставать, не забыла? На рафтинг едем.

– Сейчас, малыш, я быстренько. Надо накопленные впечатления в нетбук перенести, чтобы не лопнуть от их избытка.

– Ага, а помнишь ту толстую тетеньку, которая закопала кашки своего сыночка, а другая тетенька в них наступила? – хихикнула дочка. – Я никогда не думала, что человек может орать громче, чем пожарная сирена.

– И противнее, – проворчала я, выключая нетбук. – Все, спи, я в душ.

А утром мы направились на рафтинг. Автобус завез нас в горы и выплюнул на берегу возбужденно булькающей горной речки. Красотища неопишемая!

Впрочем, нет. Очень даже описуемая, что немедленно доказал парнишка лет семи, пристроившись за ближайшим кустом.

– Мадам, – тяжело вздохнул Миша, обращаясь к маменьке описанца, – вон видите, в двух шагах отсюда имеется туалет...

– И че? – подбоченилась мадам, нацепившая на сплав по горной речке весь свой золотой запас. На некоторых пальцах было по два кольца. Ой, визгу будет, если что-то смое! – Туда вон уже пошли, так что мой Эдичка терпеть должен?!

Михаил поморщился и, повернувшись к привезенной группе, громко проговорил:

– Сейчас вы пройдете вон туда, видите, где сложены спасательные жилеты и шлемы. Там вас ждут инструкторы. Если хотите, чтобы сплав прошел весело и без проблем, слушайтесь их во всем, вплоть до мелочей. А я вас буду ждать на промежуточной стоянке, где вы пообедаете. Ну, до встречи.

Народ весело загомонил и направился в указанном направлении. Мы с Никой тоже двинулись вслед за всеми, но Михаил придержал меня за руку:

– Не спешите, – вполголоса произнес он. – Поплывете с другой группой, с немецкой. Кстати, ты немецкий знаешь?

– Знаю. Но зачем, почему? – удивилась я. – Здесь-то что не так?

– Потом поймете. Идемте.

Он отвел нас на другую «парковку» рафтов, где готови-

лась к сплаву немецкая группа. Пошептавшись о чем-то с их гидом, Миша призывно помахал нам рукой.

Ну что ж, попробуем.

Мы подошли к остальным, инструктор как раз озвучивал основные правила, которых было совсем немного.

Главным было одно: слушать своих рулевых и грести только тогда, когда они скамандует. Особо продвинутые сели в двухместные каяки без рулевого, им предстояло плыть самостоятельно. Но строго за рафтами, повторяя все маневры большегрузов.

«Яволь!» – деловито закивали немцы и принялись экипироваться. Вскоре все спасжилеты были разобраны по размерам, тщательно подогнаны и застегнуты, шлемы все до единого – надеты.

Начали распределяться по рафтам. Детей и худеньких девушек посадили впереди, всех остальных – на корму, чтобы нос плота слегка приподнимался над водой. В каждый рафт сели по два загорелых до черноты турка, наших рулевых, всем раздали весла, и сплав начался.

И это было здорово! Выполняя команды рулевых, мы легко и непринужденно преодолевали все пороги, ни разу не перевернувшись, за нами, как по ниточке, шли каяки, не отплывая в сторону ни на метр.

Солнце, брызги, адреналин, радостный детский визг – красота!

После одного из поворотов реки мы догнали ту группу,

с которой приехали. И я поняла, почему Михаил не пустил нас с ними.

В этом месте река как раз разлилась довольно широко, была спокойна, без подводных течений и камней, в общем, ничего не мешало хорошему обзору.

Если немецкая группа шла четко и ровно, эдакой мини-флотилией, то сплав наших очень напоминал сплав леса – так же хаотично и непредсказуемо. Жилеты были нацеплены кое-как, шлемы некоторые держали на сгибе руки, словно корзины, ну и, само собой, расселись все не так, как положено, а так, как хочется. Впереди вместо детей и худеньких девушек горделиво восседали толстые дяденьки. Единственное, что было у них детского, – спасжилеты, больше похожие на спасворотники. Шлемы дяденьки сбагрили своим тетенькам – на фига нам эта хрень? Весел у дяденек не было, они ведь деньги за это заплатили, не хватало еще самим грести! Вальяжно раскинувшись на носу, эстеты обозревали окрестности, восхищенно матерясь на великолепные пейзажи. На корме бестолково махали веслами женщины и дети, пытаясь под руководством рулевых хоть немного выправить клюющий носом рафт. Все до единого были мокрыми, а значит, плот не единожды переворачивался.

Так же, как и злополучные каяки, мирно барражировавшие кверху дном. На них моллюсками висели пассажиры этих плавсредств.

Наша флотилия была встречена разнообразнейшими воп-

лями от «Э-ге-гей... твою мать!» до «Гитлер капут!».

Последнее особенно впечатлило немцев, четкость движений слегка сбилась, но очень быстро выправилась, и мы, аккуратно обогнув бревна... ох, простите, рафты, поплыли дальше.

Потом были игры на мелководье, Ника даже приз выиграла – пиратскую бандану.

И вот – обеденная стоянка.

К нам, улыбаясь, подошел Михаил:

– Ну что, понравилось?

– Очень! И спасибо, что определил нас в другую группу.

– На здоровье.

ГЛАВА 10

До обещанной экскурсии в океанариум мы с Никусской совершенно бессовестным образом грели пузо на солнце, накупываясь властью. Дочура моя довольно быстро покрылась ровным золотистым загаром, светлые кудряшки стали еще светлее, выгорев на солнце («Панамка? Мамс, ты что, издеваешься, да?»), необычные двухцветные глаза ей очень быстро надоело прятать под солнцезащитными очками, и на девочку начали обращать внимание.

Хорошо, что в последнее время наших семейных фото в прессе не появлялось. Повода особого не было, вот нас на время и оставили в покое.

Но раньше этого добра было больше чем достаточно, и самые страстные любители подглядывать в замочную скважину за знаменитостями могли нас запомнить.

Вернее, Нику, меня узнать сложновато.

И похоже, что одна из таких любительниц оказалась неподалеку от нас на пляже. Судя по огнепламенному цвету кожи (особенно ярко алела задница, отчего дама напоминала любопытную макаку), она была из свеженьких, так сказать, из недавно прибывших. И вот уже полчаса мадам крутилась вокруг наших шезлонгов.

– Мамсик, – прошептала Ника, наклонившись ко мне, – а почему у тетки попа такая красная?

– Потому что тетя почему-то решила, что ее попа тоже нуждается в ультрафиолете, и сделала из плавок стринги, скатав их в веревочки. А поскольку попа рассчитывала на нормальные плавки, а не квазистринги, ей стало стыдно видеть двумя рыхлыми булками у всех на виду, и она, попа, полыхнула.

– Так ведь выглядит смешно! – хихикнула дочка. – И потом, кто увидит, насколько загорела ее тыльная часть?

Ответить дочке я не успела, макака решила пойти на контакт:

– Ой, какая прелестная девочка у вас! – засюсюкала она, без разрешения усевшись на мой шезлонг. – Я давно за вами наблюдаю, налюбоваться не могу! Тебя как зовут, деточка?

– Брунгильда, – проворчала Ника, поднимаясь. – Мам, я купаться пойду.

– Удачи, – улыбнулась я, исподтишка погрозив дочери кулаком, – ренегатка, оставляет меня в одиночку разбираться с этой мырой!

– Какое редкое имя у ребенка! – хитровато прищурилась непрошенная гостья.

Я молча кивнула, не собираясь поддерживать беседу. Но избавиться от представительницы породы сплетниц не так-то просто, особенно когда длинный нос сплетницы чует повод для смачной такой, увесистой «новости».

– А я слышала, как вы ее Никой звали, – сладенько пропела макака. И не больно же ей сидеть на обгорелых поло-

винках!

– Вы ошиблись, – сухо процедила я, сосредоточенно посылая в сторону зануды простенькую мыслеформу «Сгинь!».

Мыслеформа до цели не долетала, запутываясь в махровом эгоизме мадам. Ее сиюминутные желания были основой мироздания, а в данный момент особь желала удовлетворить свое любопытство.

– Не может быть, слух у меня отменный, да и глаз-алмаз! – шлепая целлюлитом о пластиковый шезлонг, дамочка подседа поближе и заговорщицки прошептала: – Я узнала вашу девочку! Это дочка Алексея Майорова, Ника!

– Я еще раз повторяю – вы ошиблись! – неудержимо захотелось спихнуть назойливую тетку на песок, аж нога засвербела.

– Да ладно вам! – гаденько захихикала та. – Я ж понимаю, там в семье разлад-развод, вот они и решили ребенка с нянькой на курорт отправить, пока имущество делить будут. Бабушек с дедушками, насколько мне известно, у них нет, и Анька сирота, и Алексей своих похоронил, без няни никак. Давно вы у них служите? – Моя рука, действуя совершенно автономно, нагребла полную ладонь песка. Прищурившись, я выбирала место на лоснящейся от солнца и азарта физиономии, а дама тем временем не унималась. – Ладно, можете не отвечать небось в контракте требование о неразглашении имеется, да? Увезли, значит, Нику? И правильно, нечего ребенку такое видеть! Но с другой стороны – давно пора! Я

никогда не могла понять, что такого Алексей нашел в этой лимитчице? Ни рожи, ни кожи, ни фигуры особой. Поэтесса фигова! Вот Изабелла – совсем другое дело! Молода, хороша собой, да еще и актриса превосходная, режиссеры дерутся за право снимать ее в своем фильме! Они с Алексеем – чудесная пара, не находите?

Я с искренним изумлением уставилась на тетку:

– Вы бредите, да? О чем вы вообще? С чего вы взяли, что моя малышка имеет какое-то отношение к Алексею Майорову? Да, она немного похожа на его дочь, наши знакомые тоже это заметили, но совсем немного.

– Да одно лицо просто, не морочьте мне голову! – возмутилась макака.

– Послушайте, я сейчас охрану позову, вы меня достали! Не верите – запросите списки гостей! Найдете там Нику Майорову – я вам лично извинения принесу, а сейчас оставьте меня в покое!

– Но как же... – растерянно протянула мадам, взглядом выискивая среди кувыркающихся в волнах детей Нику. – Я ведь видела, у меня есть...

– Пожалуйста, уйдите, – еле сдерживаясь, прошипела я, подняв руку, переполненную песком.

От вылитого мне в уши яда было физически плохо.

Изабелла Флоренская снималась в главной женской роли вместе с моим мужем, и она действительно была чертовски хороша собой: грива непокорных вьющихся черных волос,

ровная кожа чудесного персикового оттенка, кошачий разрез огромных мерцающих глаз, меняющих свой цвет в зависимости от освещения (или от используемых линз) – от льдисто-серого до невозможно-фиалкового. Добавьте к этому стройную гибкую фигуру, независимый характер, острый язычок – настоящая дикарка, непокорная и своевольная.

К тому же превосходная актриса, нельзя не признать. Я видела всего пару фильмов с ее участием, но игра Флоренской меня впечатлила.

А еще больше впечатлило интервью с восходящей звездой экрана, случайно увиденное в какой-то телепрограмме – Изабелла оказалась еще и умна, и обаятельна.

Вот только ее кретинский псевдоним! Ни за что не поверю, что это – настоящее имя.

В общем, не девушка – сенсация, появившаяся из ниоткуда около двух лет назад. Именно из ниоткуда, поскольку даже самым проницательным папарацци не удалось выведать, где родилась актриса и кто ее родители.

Изабелла, можно сказать, в один прекрасный день материализовалась прямо в центре Москвы, в уютной двухкомнатной квартирке, которую она снимала. Или не она, не суть важно. А важно то, что первый же фильм, куда Флоренскую взяли исключительно ради весьма впечатляющей суммы американских денег, внесенных за нее неведомым покровителем, неожиданно для всех собрал весьма неплохую кассу.

И понеслось!

Нет, я вовсе не следила за жизнью и карьерой этой девушки, но, когда Изабеллу Флоренскую утвердили в качестве возлюбленной главного героя, которого играл Алексей Майоров, все мои подруги, включая Алину и даже Сашку с Таньским, живущих за пределами отечества, дружно посоветовали мне быть осторожнее. Уверенность в чувствах мужа – штука, конечно, хорошая, но ведь он – мужчина, если ты не забыла. И когда рядом постоянно такая красотка, мало ли что может произойти. Тем более когда красотка еще и умна, и обаятельна. И сцены постельные в сценарии имеются...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.